

Как ни странно, но Александру Адабашьяну, блестящему молодому человеку, лучшему художнику графа Никиты Сергеевича Михалкова, первому янычару и баловню судьбы, в этом году стукнет 50. Адабашьян не только составил славу первым восьми фильмам Михалкова ("Свой среди чужих", "Раба любви", "Неоконченная пьеса..." и т. д.), но уже позже сам поработал режиссером — снял во Франции фильм "Мадо, до востребования" с французскими актерами и на французском языке. Теперь Александр Артемович Адабашьян снова дома, снова в России и пишет сценарий 40-серийной "мыльной оперы". И все-таки первый вопрос самому популярному художнику в кино:

— Почему вы вернулись?

— Я и не уезжал никогда. Я снял во Франции одну картину и продолжаю там работать и здесь тоже.

— Но приз за "Мадо" на Каннском кинофестивале назывался "Перспектива французского кино"?

— Я даже побывал на фестивале французских фильмов в Сарасоте — представлял французское кино в Америке. Стоял в афише первым, по алфавиту. Но я не французский режиссер, боже упаси. На самом деле хотелось бы работать здесь.

— Почему?

— Они другие. Не хуже, не лучше, просто там жизнь другая и проблемы тоже. Там надо родиться, чтоб нормально жить. Во Франции хорошо какое-то время поработать, но знать, что у тебя есть обратный билет.

— У вас там дом?

— Нет. Чтобы иметь там дом, надо деньги зарабатывать, а делать. Делать я их не умею, живу на то, что зарабатываю, поэтому живу очень скромно.

— А семья здесь?

— Да. У меня две дочери, одной — пятнадцать, другой — тринадцать.

— А может в принципе русский художник стать "звездой" французского кино?

— Думаю, что нет. Скорее это может произойти в Америке. Французское общество чрезвычайно закрытое. Все, что не как у нас, это хуже. Другие языки у них вызывают иронию. Люди, говорящие на французском с акцентом, это смешно и забавно. Высший комплимент: "Это даже на французского похоже".

— Там вы пишете сценарии на французском?

— Я объясняю машинистке, каким я вижу диалог, а она выправляет его на идеальный французский. Я по-французски свободно разговариваю, читаю, все понимаю, но тонкостей, нюансов языка, его деликатностей не чувствую. Опыт, кстати, чрезвычайно полезный. Я даже по-русски стал писать по-иному.

— Что надо сделать, чтобы они сказали: "Это даже на французского похоже"?

— Все, что со стороны, для них экзотично. Они невероятные консервативны. Если что-то объявлено классикой — это замечательно, будут умирать со скуки, но сидеть до конца. Если бы Гольный Король в таком виде пересек весь Париж, все бы до единого сказали, что он замечательно одет.

— Чем таким российским вы их удивили?

— Я позволяю себе вслух сказать, что Золя не самый гениальный автор, что Гюго скучен, а Мопассан на три порядка выше. Многие в глубине души с этим согласны, но это нельзя проносить вслух, так же, как сказать, что король — голый. Могут заподозрить, что ты, не дай бог, не француз. Если картина получила главный приз на Каннском фестивале, она — шедевр. Когда я сказал, что фильм Тарантино, по-моему, среднее изделие, на меня с удивлением и таким веселым интересом посмотрели — гляди-ка, собственные мысли позволяют!

— Почему же вы тогда оказались во Франции, а скажем, не в Америке?

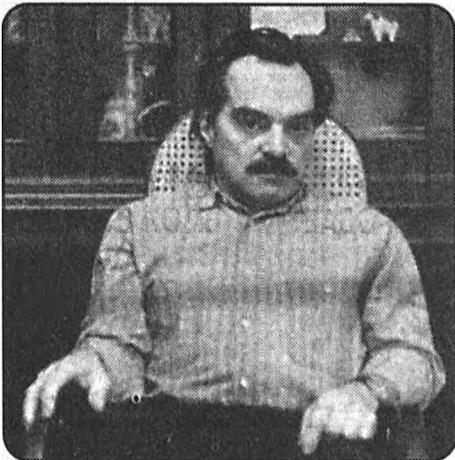
— Я знаю французский, а английский прак-

— На съемках водку давали или водичку?

— Водичку, конечно. Это когда трезвых играешь, можно выпить чуть-чуть. Мне бы очень хотелось, чтобы картину хорошо приняли. Это лирическая комедия, довольно смешная, нормальное кино про людей. Леня Ярмольник там дебютирует как продюсер и очень рискует, начиная не с верняковой истории зоофилческой любви ледераста, а с чисто человеческого кино с хорошими артистами — Селезневой, Ахеджаковой, Джигарханяном, Никоненко, Табаковым, Гундаревой. Сам играет там главную роль. Вы говорили о ностальгии по нашим старым картинам, интересно, как будет принято такое же кино сегодня. Без сегодняшних представлений об ингредиентах успеха. Без всякой химии.

Младк. Кошк. Шолм. - 1995. - 9 февр - с. 4

АДАБАШЬЯН — ФРАНЦУЗСКИЙ ЛЕВ И ЯНЫЧАР

тически не знаю. Это в общем-то определяет все. Без языка в чужой стране ты просто турист.

— Славу вам принесло сотрудничество с Никитой Михалковым. В каких вы сейчас с ним отношениях?

— Нормальных. При встрече здороваемся.

— Многие считают, что вы сделали Михалкова, а не он вас.

— Это неправда. Мы все начинали вместе, практически с нуля, учились друг у друга и, дойдя до какого-то уровня, расстались.

— Вы испытываете ностальгию по тому времени? Сегодня ваши фильмы вызывают нежность.

— Я не могу смотреть их как зритель. Все время представляю, как это снималось, что было до и после. Недавно по телевизору показывали фильм "Дворы моего детства", и там Валентин Гафт с восторгом вспоминал свою жизнь в коммуналке. Одиннадцать квартал... Я в таких коммуналках не жил, но школьником помню, что это было ужасно. Он же вспоминает не коммуналки, а свою молодость.

— Если обрисовать круг близких вам сегодня людей, то кто в него входит?

— Честно говоря, круг небольшой. Игорь Макаров, такой есть художник, вместе в Строгановке учились. Олег Меньшиков. С Лней Ярмольником с удовольствием общаемся, Олегом Янковским. Знакомых много, но так, чтоб на кухне часами споры до хрипоты... все это уже в прошлом. На тусовках почти не появляюсь. Сиджу дома, работаю. В восемнадцать казалось, что жизнь где-то происходит, пока ты дома сидишь, а сейчас на тусовках такое же ощущение — где-то жизнь происходит, а ты тут со стаканом и вилкой прыгаешь.

— После "Мадо" прошло пять лет, чем вы все это время занимались?

— Писал. Одна картина по моему сценарию в марте выходит в Италии. Три сценария во Франции на разных стадиях. После "Мадо" французы предлагали снимать, но то, что предлагали, было совсем не интересно. Для меня не самоцель стать французским режиссером. Пока есть возможность делать то, что нравится.

— Вы пишете "мыльную оперу" для телевидения, но этот жанр считается низким, а у вас реноме утонченного художника.

— Уже написано десять серий, но, когда ты пишешь и думаешь, как сделать, чтобы это было интересно, какая разница, как это называть — "мыльная опера" или просто сценарий. Всего будет 40 серий. Современная история. Все персонажи живут в одном доме типа "высотки" и являются потомками разных литературных героев. Там есть сестры Прозоровы, Корчагин, Власов, Раскольников, Чацкий, Фамусов — персональный пенсионер союзного значения. Это чисто академическое удовольствие писать сцену, в которой беседуют Чацкий, Павел Власов и сестры Прозоровы. Их любовные истории, кстати, тоже близки к оригиналу. У Чацкого амурная история с Софьей, но та выходит замуж за Корчагина. Раскольников уговаривает старушек перевести лицевой счет на его имя.

— То есть убить их, но другим способом?

— Мне не интересно писать заунывный телесериал, подогретый убийствами и погонями. Опять же компания подбегается симпатичная — мы пишем вместе с Сергеем Волынцом, продюсер — Матвей Сапрыкин. Режиссером, возможно, будет Дмитрий Астрахан.

— Все знают ваши маленькие роли в фильмах Михалкова, но вы и у Даниила в "Насте" мелькнули, я знаю, у Аллы Суриковой в новой ленте "Московские каникулы" снова появляетесь.

— Мы там с писателем Михаилом Мишиным играем двух алкоголиков-интеллигентов — разговариваем об искусстве и выпиваем.

— Мне все хочется спросить у вас что-нибудь эдакое, например, о женщинах. Судя по Марианне Гроуз, вашей Мадо, вы должны любить женщин с присутствием комического в характере и обязательным чувством юмора. Расскажите о ваших идеалах в области чувств.

— Отсутствие чувства юмора не компенсируется ничем, это один из самых трагических дефектов. Оно хорошо и в женщинах, и в детях, хорошо бы и в животных.

— А чем вы его подпитываете?

— Оно или есть или нет. Чувствовать, что ты смешон, — это тоже чувство юмора. То, чего сегодня не хватает сатирикам, — многие не понимают, что смех вызывает не остроумие их фраз, а когда уже над ними смеются.

— Но от ответа вы все-таки ушли.

— Я вашей газеты боюсь. Она живая, но иногда она слишком живая. У меня есть доморощенная формулировка, что критика вообще — это рассуждения евнухов о любви. Евнух, слушающий в гареме, наблюдающий ежедневно большое количество исполняемых перед ним актов любви, считает себя специалистом. Это действительно так в определенной степени — просто он очень много про это знает с одним маленьким исключением — у него собственного опыта никакого нет. Поэтому мне лично интересно мнение живущего по соседству с гаремом феллаха, у которого только одна жена, но его мнение основано все-таки на практическом опыте. Когда я читаю глумления бойких киножурналистов, мне хочется посоветовать им сделать что-нибудь самим. По этому поводу есть изречение Леонардо да Винчи, оно более классическое: "В отвлеченных рассуждениях отсутствует собственный творческий опыт, без чего ни в чем не может быть достоверности" и еще "высшие градации критического ума развиваются только в процессе собственного художественного творчества".

— Память у вас хорошая.

— Не жалуясь. Если это оставите, ничего против иметь не буду.

— У вас есть формула вашего кино?

— Чтобы так сформулировать — нет. Когда есть магия чего-то непонятного и я не могу объяснить, почему мне это нравится, для меня это самое главное. То, что делает Гринуэй, по-моему, просто, а вот бергамановский "Источник" — это сложно, хотя вроде бы это намного проще.

— Вы человек традиционных представлений?

— Хорошо это или плохо, но это так. Классическая музыка на меня воздействует, а современная — нет. Я не различаю, почему Алла Борисовна Пугачева — это гениально, а Елена Апина не дотягивает до ее уровня. По-моему, они там сами с собой разбираются. Для меня эстрада на одно лицо — прыгают там в дыму. Так же для кого-то классика — сидят там и пьляют.

— Много мы с вами тем охватили...

— Но все-таки вам хотелось чего-то экстравагантного. Например, узнать, изменяю ли я жене?.. Какая нравится, блондинка или брюнетка, так можно про собак говорить, а не о женщинах. Я думаю, когда у человека внутри больше, чем снаружи, в конце концов это и на внешности отражается. Мне приходилось общаться с топ-модельями на фестивалях — больше двух слов ни по-русски, ни по-итальянски, ни по-французски сказать не удалось. Это какая-то отдельная порода. Хотя в смысле экстерьера по собачьим меркам — просто чемпион породы.

— По вашим с Михалковым картинам вы казались любителем поддурачиться. В "Рабе любви", помнится, вы играете режиссера, снимающего "восточную дребедень", "из-за кустов страшно и медленно выползают янычары", сидите у кого-то на плечах с мегафоном.

— А сидю я там на Паше Лебешеве. Валяли дурака в свое удовольствие. Жалко, что это щепотью с возрастом уходит. Без дурачества вообще нельзя. Кстати, и в суриковской картине много дурачества.

— Кто вы по гороскопу?

— Я Лев. У меня с гороскопами смешная была история. Брала интервью одна дама. Она, видимо, подготовилась, что-то про меня прочитала и говорит: "По вашим картинам я вижу, что вы — точная Рыба". А у меня в справочнике Союза художников по ошибке дата рождения указана — 8 марта, она его, видимо, тоже изучила. Я ей дал высказаться и говорю — а я на самом деле десятого августа родился, хотите, паспорт покажу? Потом мы с ней побеседовали примерно час, и она сказала: "Теперь я точно вижу, что вы — Лев". Я пожалел, что второй раз ее не обманул. Надо было сказать, что в декабре.